

УДК: 316.4 (571.6)

А.П. КОНЯХИНА

ВЛАСТЬ И РЕФОРМЫ: ВЗГЛЯД ИЗ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ ГЛУБИНКИ (1985–2015 гг.)

Статья основана на материалах полевых исследований в регионах юга Дальнего Востока России и посвящена человеческому измерению процессов реформирования в период 1985–2015 гг. В центре внимания автора – отношение жителей сельской и городской глубинки к власти и её модернизационным проектам. Рассмотрены некоторые стратегии поведения дальневосточников в качестве реакции на изменения социального порядка и привычного образа жизни.

Ключевые слова: перестройка, реформы, модернизация, социальные трансформации, адаптация, общественное мнение, Дальний Восток России, глубинка.

Революционный характер инициированных в середине 1980-х гг. реформ в СССР, их социальные последствия до сих пор определяют повседневный мир тех, для кого перестройка стала частью личной биографии. Опыт её проживания («вопреки» или «благодаря») в контексте «большой» истории даёт уникальный материал как для анализа мягких переменных (культурные, ментальные характеристики), определяющих успех или провал программ социального переустройства, так и для дальнейшей концептуализации понятий, выросших на этом «поле» в обитаемом пространстве российской провинции.

Провинция/регион/глубинка как места событий и практик становились объектами пристального профессионального взгляда, например, таких историков, социологов, географов, как В.Л. Глазычев, Ю.М. Плюснин, С.Г. Кордонский, Н.В. Зубаревич, Т.Г. Нефёдова и др.¹ Дальний Восток в этом контексте также постепенно перестает быть terra incognita, обретая своё звучание и осмысление².

Цель статьи – исследовать социальную реальность дальневосточной глубинки в период трансформаций 1985–2015 гг. через зафиксированные представления и реакции жителей городов и посёлков. Мы сосредоточимся на двух основных аспектах. Во-первых, на отношении людей к модернизационным проектам (советскому и современному вариантам) и власти в целом как их проводнику. И, во-вторых, на связанных с этим отношением стратегиях поведения населения в частной и публичной сферах.

Эмпирическую базу составили материалы проведённых сотрудниками отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН* полевых исследований в Приморском и Хабаровском краях, Сахалинской и Амурской

* Исследования проводились при поддержке гранта РГНФ «Социальные трансформации и процессы модернизации на юге Дальнего Востока в 1985–2012 гг.: противоречия и взаимосвязь» (проект № 13-01-00199).

областях, пополнившие архив отдела (АОСПИ). За три года экспедиций был сформирован корпус архивных источников, биографических сочинений (71 шт.), анкет (1449), записей глубинных полуформализованных интервью с представителями органов государственной власти и местного самоуправления, общественных организаций, предпринимателями, фермерами, работниками бюджетной сферы, пенсионерами (около 130). Такое разнообразие позволяет отразить реальность через самопрезентацию, поднимая на поверхность значимые для жителей образы и смыслы.

Для начала принципиально отметить, что в ретроспективном взгляде наших собеседников на перестройку этот исторический период оказался не обособляемым, обнаружилось его слияние с последующими 10-15-20 годами. А причины реформ и провозглашённые задачи, выпадая из памяти и сознания людей, так и не были в большинстве своём ими отрефлексированы и проговорены³. Это вело к тому, что любая официальная риторика об очередном модернизационном «рывке» воспринималась как белый шум, сводя на нет попытки мобилизации под старыми/новыми лозунгами. Любопытно, что термином «постсоветский», который может служить своеобразным маркером непреодоленного прошлого, оперируют, как правило, разного рода эксперты, учёные, а никак не сам обыватель, живущий в условиях актуального для него настоящего.

Перестройка воспринималась прежде всего как крах привычного социального и институционального порядка. И вне зависимости от того, положительно или отрицательно оценивались позже людьми перемены, она стала фундаментальным событием-травмой, когда прежние культурные установки и привычный уклад жизни входили в противоречие со стремительно обновлявшимися ценностями, нормами, окружающей действительностью. «В советские времена мы привыкли, что кто-то возьмёт знамя, кто-то пойдёт, а мы, конечно, будем идти следом за этими знамёнами. А тут всё: и знамени нет, и знаменинца нет. И куда идти?.. И народ оказался брошенным на произвол судьбы»⁴. «Просто всё в один момент рухнуло. Всё, во что мы так верили, вдруг перестало существовать»⁵. Дезориентация и деморализация усиливались на фоне экономической нестабильности и «ухода» государства как держателя социальных обязательств.

Специфика многих малых городов и посёлков Дальнего Востока состояла в том, что их развитие в советский период определялось деятельностью градообразующих предприятий угольной, химической, металлургической, авиационной, лесоперерабатывающей промышленности, обеспечивавших занятость населения, поддержание необходимой социальной инфраструктуры. В условиях распада страны и перехода к рыночной экономике, сопровождавшихся снижением управляемости, сменой форм собственности, неконкурентоспособностью, сокращением госзаказа, сворачивалось и присутствие многих предприятий в экономическом пространстве. В результате под угрозой исчезновения оказались целые населённые пункты.

В ослабшем, полуразрушенном государстве надеяться и полагаться оставалось только на собственные силы. Данные опроса, проведённого на Сахалине в 1992 г., показали, что лишь 4% респондентов при ухудшении материального положения или потере работы рассчитывали на помощь государства, 76% – только на себя, 17% – на помощь близких⁶. Основными

тактиками выживания в кризисный период в условиях долгосрочных задержек заработной платы и плановых сокращений являлись как свойственные традиционному обществу способы поддержания существования (взаимопомощь в кругу родственников и знакомых, отпуск товаров «под запись» в магазинах, взаимобмен/продажа разного рода услуг в рамках своего предприятия; вторичная занятость, работа в «подсобных» хозяйствах, на огородах и дачах), так и новые, связанные с поиском альтернатив в неформальной, непрофильной или теневой сферах, с использованием преимуществ своего регионального положения. Люди уходили в моря, в тайгу, становились «челноками». Широкое распространение на Дальнем Востоке получила работа вахтовым методом, поскольку невозможно было приобрести или арендовать жильё в другом городе⁷.

Применение этих тактик, часть из которых позже утратила свой временный статус, на каждом этапе фиксировало положение, при котором обычный человек обучался обходиться без государства, его опеки и контроля. Если в 1989 г. только 8% населения думало, что «государство нам даёт так мало, что мы ему ничем не обязаны», то спустя 20 лет число считающих так увеличилось до одной трети⁸. Это значительный слой людей, для которых альтернативы в достижении благ находились уже вне области официальных коммуникаций.

П. Штомпка на примере посткоммунистической трансформации в странах Центральной и Восточной Европы обозначил ряд факторов, сказывающихся на индивидуальной и коллективной способности к адаптации, способных снизить или, наоборот, увеличить болезненность социальной травмы. Значение имеет то, какие схемы интерпретации ситуации использует человек и какими внутренними ресурсами (социальный и культурный капитал) он располагает⁹.

В дальневосточной провинции, как образно выразился сахалинский фермер, из тех, кому во всеобщем развале «ничего не досталось... половина разбежалась на карьеры, половина плюнула, пошла держаться за хвосты своих коров, остальные спились, поумирали...»¹⁰. Другие же открыли для себя (или «получили») новые возможности (интересы, профессию, ресурсы). В глубинке разрывы социального пространства компенсировались (как живое дерево затягивает рану смолой) усилиями впервые примеривших на себя эту роль местных предпринимателей¹¹. Благодаря им материальные остатки советского прошлого, будь то единственный в районе хлебозавод или ведомственный магазин, обрели своих рачительных наследников.

Культурная травма приводила и к самоидентификационным сдвигам, усиливая стремление сохранить то обозримое близкое, что только и способен удержать в руках человек в ситуации высокой неопределённости. Три опроса ВЦИОМ по программе «Советский человек» (1989, 1994, 1999 гг.) наглядно показали, что идентификация с «большой» родиной (национально-государственное самоутверждение и самоотождествление) уступила место идентификации с «малой» родиной («место, где родился и вырос») ¹². На использовании материальных и символических ресурсов своего локального сообщества базировались многие адаптационные стратегии и неформальные социальные практики.

Сегодня самыми значительными для населения изменениями, произошедшими в годы перестройки, по-прежнему остаются возможности свободно выезжать за рубеж (колебания от 34 до 41% в 2010–2015 гг.) и свободно высказываться (от 32 до 40%)¹³. Для многих дальневосточников именно приграничная торговля стала инструментом выживания в 1990-е гг. Как несомненная завоёванная ценность, определявшая отношение к власти и её мероприятиям, рассматривалось и право на свой взгляд и действия, альтернативные официальным. «Приехали с области [чиновники – А.К.] мне руки ломать... Чего вы меня пугаете? Это моя фирма. Я вот захочу – завтра сам закрою всё... Что вы мне сделаете?»¹⁴. «Ну что мне сделают?! Ну, скажите, пожалуйста? Налоговые проверки? У меня бухгалтерская компания. Неужели мы себя не защитим? А что ещё?! Стрелять закончили, слава богу...»¹⁵. Рост самоуважения, в свою очередь, вёл к расширению границ частного («моё дело», «мой бизнес»), «мой посёлок»), когда обустроенная своими руками комфортная среда вытесняла/заполняла «пустое» пространство государственного.

В 2009 г. Президент РФ Д. Медведев публично заявил о повороте к модернизационной государственной стратегии. Своей риторикой о шансах на развитие страны демократическим путём через «сближение интересов личности, общества и государства»¹⁶ она напомнила реформы второй половины 1980-х гг., приобретая и неофициальное название «Перестройка-2». В том же году была принята и «Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года», в которой ускоренное развитие на инновационной основе обозначалось необходимым условием экономического и геополитического прорыва России в АТР.

Мы исходили из того, что успех самого совершенного проекта не гарантирован, если он не опирается на потребности элит, ожидания населения и способность власти его осуществить. Но 2000-е, по мнению исследователей, показали пример непоследовательности реформаторских шагов и непредсказуемости их результатов именно вследствие опоры на незаинтересованную в переменах высшую бюрократию¹⁷. Что касается оценок жителей периферии, то мы сразу же столкнулись с отсутствием ясных толкований понятия «модернизация». Оно не укоренилось в словаре чиновников местного уровня, не было и предметом общественной рефлексии. Являясь повесткой дня для власти федеральной, её внутривластной стратегией, для населения модернизация стала «ритуализированным» (А. Аузан) воплощением представлений о нормальной жизни, запрос на которую всё так же актуален.

В интервью считывалась, в первую очередь, её технологическая составляющая как возможность обновления производственных мощностей действующих предприятий, ветшающей инфраструктуры городов и посёлков (дорог, мостов, жилья, систем освещения, водоснабжения, газификации). Федеральная власть рассматривалась здесь как двигатель и главный субъект изменений, который предлагает своё видение и распоряжается финансовыми потоками. Для местной власти и бизнеса очевидным было желание встроиться в процесс для решения, прежде всего, своих тактических задач.

Сотрудники органов местного самоуправления (как и население в целом) не владели необходимой информацией о намерениях центральной вла-

сти и не распознавали сути её деклараций. «Нужна вообще стратегия, что мы хотим иметь от этого Дальнего Востока, а уже потом... по ступенькам...»¹⁸. Исключённые из системы принятия решений, не располагая рычагами влияния, они сосредотачивались на текущей ситуации: «в плане общей картины я как бы таких перспектив не ставлю, не вижу... Планирование... маленькими отрезочками»¹⁹, «стараясь, где-то что-то так, где-то так... но по-другому не получается никак»²⁰.

Сегодня можно увидеть, что по одну сторону расположились территории, вовлечённые в процессы такой «точечной» модернизации (участие в нацпроектах, программах, адресная господдержка) и получившие таким образом импульс к развитию, по другую – не вписавшиеся в контекст аутсайдеры, балансирующие в отсутствие инициативы и ресурсов на грани выживания или постепенно деградирующие.

Разработка унифицированных для всех регионов и муниципалитетов программ развития, внедрение комплексных инвестиционных планов, как и единых критериев оценки результатов деятельности администраций, представляли опять же действием по большей части ритуальным, осуществляемым вне коммуникаций. Предзаданный характер процесса (вручение «сверху») определял его известную формализацию, и лишь сам исполнитель (чиновник), имевший собственную волю и разум, мог сделать его осмысленным, адаптировав под текущие намерения и установки²¹. С точки зрения местного чиновника, адекватное восприятие государственных проектов, «проявление мудрости» по отношению к ним – это не сотрясать возражениями воздух («Законы, которые пишутся... они неприменимы в принципе в жизни, они не работают»), а приспособливаться. «Мы ж тоже понимаем, что раз задача поставлена [речь о «майских указах» 2012 г. Президента РФ – А.К.]... значит, есть какие-то причины»; «Мне такую задачу, как тебе [имеются в виду региональные власти – прим. А.К.], не ставили... Ты хочешь эту задачу выполнить через меня... Ну, давай, если хочешь договориться, давай будем договариваться...»²².

Замкнутая вертикаль власти – «вещь в себе»: чем выше, тем более она закрыта и менее респонсивна и договороспособна. «Половина тех, которые на краевых, на областных уровнях работают... депутатов – они вообще не представляют, чем народ живёт... Федеральный уровень – это вообще отдельная тема. Они приезжают иногда. Начинают вопросы задавать. Я даже с ними... не пытаюсь спорить, что-то им доказывать. Просто потому, что это... бесполезно... Там вообще ничего не слышат»²³. Так, абсолютное большинство районных предпринимателей в Хабаровском крае считало государственную поддержку малоэффективной из-за слабой информированности чиновников о реальных потребностях бизнеса и непонимания ими местной специфики²⁴.

Отлаженные бюрократические, управленческие процедуры зачастую не предполагали обратной связи. Раздача заранее вопросов предпринимателям из глубинки, приглашённым на селекторное совещание с министром РФ, чтобы «ответы стройные получить», приводила к тому, что «действительно насущное... спустили организаторы на тормозах»²⁵; «Было совещание и – ничего... Ничего из предложений не вошло, ничего не было реализовано. Наверху не хотят связываться с мелкими хозяйствами...»²⁶.

Локальный подход к решению задач (самостоятельно строить 10-тонное овощехранилище вместо абсурдного в местных условиях, но финансируемого по госпрограмме из федерального/регионального бюджета 500-тонного) оказывается более адекватным в сравнении с идеями «высокой» модернизационной политики, не учитывающей «практическое» знание. «Государственная социальная инженерия, – писал Дж. Скотт, – врожденно авторитарна», а «разработанный и спланированный социальный порядок схематичен – он всегда игнорирует существенные черты любой реальности, любого функционирующего социального порядка», что и ведёт, в конечном счёте, к провалу самого проекта²⁷. Как сегодня реализуется сценарий, при котором местное сообщество («бедные») сопротивляется модернизационным планам государства («богатых»), показал на примере малых дальневосточных городов Л.Е. Бляхер. В числе выделенных им факторов, определявших содержание и результат противостояния: стабильность общины и её эффективность в решении повседневных проблем её членов, наличие встроенной легальной властной структуры, степень заинтересованности сторон в проведении модернизации на данной территории²⁸.

Таким образом, мы видим, что причины неравномерности фактических результатов модернизации обнаруживаются не только в экономической плоскости, но и в гуманитарной. В данном случае на первый план выходит проблема понимания и совпадения/несовпадения базовых представлений об общем благе и путях его достижения у «реформаторов» и «реформируемых», а также их ценностных установок в целом. Когда вопросы, которые «ставятся на обсуждение» жителей, оторваны от реальности, попытка власти посоветоваться с народом приобретает имитационный характер, выглядит профанацией. «Государство ожидает [от населения – А.К.], пытаюсь сейчас завлечь. Опять идёт по команде сверху у нас... Делают всё, что угодно. Кампанейщину любую можем устроить...»²⁹; «Мы, как заложники. И в неведении живу... Мы не знаем, может, нас запланировали на вахтовый метод. Какие у государства планы на нас?»³⁰

На протяжении всего позднего и постсоветского времени отношение дальневосточников к «вызовам» центральной власти находилось под влиянием ряда устойчивых мифологем. В их числе и представление о «богатом регионе», блага которого до жителей не доходят³¹. Главы краёв и областей, номенклатура воспринимались как соучастники политики центра в колониальном использовании природных и людских ресурсов, которые лишь отработывали предоставленные привилегии³², отдавая территорию на откуп министерствам и ведомствам. Сегодня к ним добавились государственные корпорации и крупные экономические субъекты с пропиской в Москве и за рубежом, приход которых увязывается региональной властью с необходимостью привлечения инвестиций.

Вертикально ориентированные, они не встроены в локальное социальное пространство, а их активная хозяйственная деятельность и программы модернизации нередко вызывают отторжение со стороны сообщества, доходя до открытого коллективного протеста. Обсуждение экономической целесообразности конкретных проектов трансформируется подчас в постановку вопроса о гарантиях соблюдения прав граждан, о доверии к власти вообще. Так, в 2013 г. жители п. Славянка Хасанского района (Приморский

край), уникального по своей природе и рекреационным возможностям, выступили против строительства открытого угольного терминала: «Мы считаем, что конституционные наши права грубо нарушаются»³³; «Без решения вопросов экологии... на развитии Славянки можно будет ставить крест»³⁴; «Яркий пример благоденствия мы уже видели в посёлке Посъете... Единственное здание, которое выглядит презентабельно и хорошо, – это здание Управления угольного терминала»³⁵; «Сейчас позакрывали заводы, позакрывали рыбокомбинаты, и все, кому не лень, схватились за лопаты и начинают за границу гнать уголь...»³⁶; «Власть... обманывает нас... Что же нам готовят: то ли массивное кладбище из жителей посёлка Славянки, то ли хотят экономическое развитие?»³⁷

Квинтэссенцией отношения населения к федеральной власти может служить его реакция на предвыборный слоган губернатора Приморского края С.М. Дарькина «Нам здесь жить!», на который дальневосточники до сих пор отвечают: «А нам-то как тут жить? А мы-то за что? Нам-то куда уезжать?...»³⁸ Сегодня та же оппозиция «центр-периферия» отражается в сознании жителей уже сельской глубинки. Они с обидой говорят о своей «ущербности» в сравнении с положением в городах – «точках роста», на которых сосредоточило своё внимание государство: «Субсидии... не выплачивают: денег нет, саммит надо делать... Всё бросили на город, на мосты. Я не против города, но...»³⁹.

Государство в попытке модернизировать территорию под цели управления сталкивается с существующим здесь физически пространством «на самом деле», в котором жизнь организована согласно «человеческим» представлениям (С.Г. Кордонский)⁴⁰. Оптимальная роль государства виделась нашим собеседникам-предпринимателям в том, чтобы на уровне законодательства приблизиться («дать удочку») к человеку, «к обыкновенным людям, которые вот тут на местах живут... А не там где-то только в центре»⁴¹. Понять их и... отпустить: «больше давать свободы... чтобы было... больше возможностей, а не запретов»⁴².

Для части предпринимательского сообщества было типичным желание выйти из-под ока государства, сделаться для него «невидимым»: «Я не хочу думать о государстве, извините меня, когда им туда уходят деньги. Я хочу думать о своём районе»⁴³. Вторжение носителей государственного суверенитета («карающих органов»: чиновников налоговых и силовых служб) в сферу частного опиралось во многом на структурное насилие⁴⁴. Не располагая необходимым для проведения реальных реформ доверием населения, действуя в условиях усечённой публичности, власть, таким образом, выступала для значительной его части легальным, но нелегитимным субъектом изменений.

Подводя итоги, можно увидеть, что воплощённые в модернизационной повестке власти стратегические программы на уровне конечного потребителя «благ», жителей сельской и городской глубинки, воспринимались зачастую как «непросчитываемая» попытка нарушения отлаженного социального порядка. Ответом на «вызовы» в условиях высокого институционального недоверия выступали коллективное сопротивление изменениям, политическая и экономическая самоизоляция с выходом из полного рисков и издержек поля официальных коммуникаций, а также рациональное использование спускаемых по вертикали проектов в своих сугубо практических интересах и задачах.

- 1 Глазычев В.Л. Глубинная Россия: 2000–2002. М.: Новое издательство, 2005; Плюснин Ю.М., Кордонский С.Г., Скалон В.А. Муниципальная Россия: образ жизни и образ мыслей. Опыт феноменологического исследования. М.: ЦПИ МСУ, 2009; Кордонский С.Г. Россия. Поместная федерация. М.: Европа, 2010; Зубаревич Н.В. Современная Россия: география с арифметикой // Отечественные записки. 2012. Т. 46 (1). С. 55–64; Нефёдова Т. Сельская Россия на перепутье (географические очерки). М.: Новое издательство, 2003; Вдали от городов: Жизнь постсоветской деревни. СПб.: Алетейя, 2013; Повседневность середины 90-х годов глазами петербуржцев / ред. И.И. Травин, Ю. Симпура. СПб.: Европ. Дом, 1999; Чирикова А.Е., Ледяев В.Г., Сельцер Д.Г. Власть в малом российском городе: конфигурация и взаимодействие основных акторов // Полис. 2014. № 2. С. 103–104.
- 2 Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни: Дальний Восток. М.: Изд-во «Европа», 2014; Ващук А.С. Перестройка на российском Дальнем Востоке в субъективных измерениях современников: надежды на социальную модернизацию и разочарования // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 5–22; Ващук А.С., Савченко А.Е. Социальная реальность Дальнего Востока как проблема современной истории: постановка задач // Вестник ДВО РАН. 2013. № 4. С. 3–8; Ковалевская Ю.Н. Трансформации повседневных структур и практики выживания населения малых городов Сахалина в конце 1980-х – 2013 гг. (на примере Углегорского района) // Вестник ДВО РАН. 2014. № 6. С. 54–63; Рыжова Н.П. Адаптационные механизмы функционирования фирмы: как выживал бизнес депрессивного региона в начале 2000-х // Экономическая социология. 2006. Т. 7. № 1 С. 61–91; Коняхина А.П. Практики гражданского участия на Дальнем Востоке. От частного интереса к публичной политике: в поисках солидарности // Россия и АТР. 2014. № 4. С. 38–55; Тридцать лет перехода: К оценке вектора социальной трансформации на примере Приморского края (1985–2014 гг.). Аналитический отчет. Владивосток, 2014. URL: <http://ihaefe.org/wp-content/uploads/word.png> (дата обращения: 8.03.2015).
- 3 См.: Бляхер Л. Искусство неуправляемой жизни... С. 114–115; Савченко А.Е. Российская провинция: от перестройки – к... // Полития. 2014. № 3. С. 110.
- 4 АОСПИ. Интервью с У. (м., фермер, ок. 65 лет). Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- 5 АОСПИ. Соч. 28, м., 1948 г.р., Южно-Сахалинск.
- 6 Корель Л.В., Шабанова М.А. Сахалин-92: жизнь на пороге рынка // ЭКО. 1993 № 1. С. 30.
- 7 Плюснин Ю.М. Отходничество в современной России // Отечественные записки. 2012. № 5. URL: <http://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/69031687> (дата обращения: 17.09.2014).
- 8 Общественное мнение – 2012. М.: Левада-центр, 2012. С. 41.
- 9 Штомпка П. Социология: Анализ современного общества. М.: Логос, 2005. С. 482–483.
- 10 АОСПИ. Интервью с У. Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- 11 Ковалевская Ю.Н. Трансформации повседневных структур... С. 59–60.
- 12 Левада Ю.А. Сочинения: Проблема человека. М.: Издатель Карпов Е.В., 2011. С. 124.
- 13 Роль перестройки в истории страны. Пресс-выпуск. 22.04.2015. URL: <http://www.levada.ru/22-04-2015/rol-perestroiki-v-istorii-strany> (дата обращения 23.04.2015).
- 14 АОСПИ. Интервью с П. (м., предприниматель, ок. 50 лет). Сахалинская область, г. Шахтерск. 2013. 18 июля.

- 15 АОСПИ. Интервью с О. (ж., предприниматель, ок. 55 лет). Хабаровский край, г. Хабаровск. 2014. Июнь.
- 16 Дмитрий Медведев: Россия, вперед! 10.09.2009. URL: http://www.gazeta.ru/comments/2009/09/10_a_3258568.shtml (дата обращения: 17.01.2015).
- 17 Гельман В.Я., Стародубцев А.В. Возможности и ограничения авторитарной модернизации: российские реформы 2000-х годов // *Полития*. 2014. № 3. С. 25.
- 18 АОСПИ. Интервью с У. Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- 19 АОСПИ. Интервью с Д. Сахалинская область, г. Углегорск. 2013. 16 июля.
- 20 АОСПИ. Интервью с В. Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.
- 21 Рыжова Н. Бюрократические ритуалы «развития» России: возможна ли интерпретация скрытых смыслов? // *Обратная связь: книга для чтения: сб. статей и эссе к 60-летию М. Рожанского*. СПб.; Иркутск: Норма, Центр независимых социальных исследований и образования, 2014. С. 263–264, 267.
- 22 АОСПИ. Интервью Х.Х. (сотрудник районной администрации), 2014.
- 23 АОСПИ. Интервью Х.Х. 2014.
- 24 Малое и среднее предпринимательство в регионе: социологическое измерение. Хабаровск: ДВАГС, 2011. С. 65.
- 25 АОСПИ. Интервью У.У. 2012.
- 26 АОСПИ. Интервью с У. (м., фермер, ок. 65 лет). Сахалинская область, с. Ольховка. 2013. 18 июля.
- 27 Скотт Дж. Благими намерениями государства: Почему и как проваливались проекты улучшения условий человеческой жизни. М.: Университетская книга, 2011. С. 23, 153.
- 28 Бляхер Л.Е. Можно ли согласовать спонтанный порядок и полицейское государство? Государство vs. Локальное сообщество в малых городах Дальнего Востока России // *Полития*. 2013. № 2. С. 50–73.
- 29 АОСПИ. Интервью Х.Х. 2014 г.
- 30 АОСПИ. Интервью с К. Сахалинская область, г. Углегорск. 2013. 16 июля.
- 31 Бляхер Л.Е. Государство и несистемные сети желтороссии, или заполнение «пустого пространства». URL: http://www.dv-reklama.ru/ftp/2011/blyaher_oчерki.pdf (дата обращения: 6.03.2015).
- 32 ГАПК. Ф.П-68.Оп.117.Д.1025.Л.88.
- 33 АОСПИ. Видеозапись митинга. Приморский край, п. Славянка. 23 марта 2013 г. Выступающая Н.Г.
- 34 АОСПИ. Видеозапись митинга... В.П.
- 35 АОСПИ. Видеозапись митинга... Н.Н.
- 36 АОСПИ. Видеозапись митинга... Б.В.
- 37 АОСПИ. Видеозапись митинга... Ж.
- 38 АОСПИ. Интервью с И. Приморский край, г. Дальнегорск. 2013. 6 июля.
- 39 АОСПИ. Интервью с Т., Приморский край, с. Шмаковка. 2012.
- 40 Кордонский С.Г. Россия. Поместная Федерация... С. 21–22.
- 41 АОСПИ. Интервью с Ш. Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.
- 42 АОСПИ. Интервью с Л. Сахалинская область, г. Шахтёрск. 2013. 16 июля.
- 43 АОСПИ. Интервью с Ш. (ж., предприниматель). Приморский край, п. Кавалерово. 2013. 1 июля.
- 44 Алексеенкова Е.С., Сергеев В.М. Тёмный колодец власти (о границе между приватной сферой государства и приватной сферой личности). С. 159–160. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Alekseenkova_2008_3.pdf (дата обращения: 1.02.2015).